

Содержание

Часть I

Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	45
Глава 6	58
Глава 7	68
Глава 8	81
Глава 9	93
Глава 10	101
Глава 11	112
Глава 12	118

Часть II

Глава 13	129
Глава 14	133
Глава 15	139

Глава 16	146
Глава 17	171
Глава 18	179
Глава 19	191
Глава 20	196

Часть III

Глава 21	217
Глава 22	221
Глава 23	230
Глава 24	245
Глава 25	252
Глава 26	257
Глава 27	267
Глава 28	272
Глава 29	281
Глава 30	287
Глава 31	293
Глава 32	300
Глава 33	308
Глава 34	316

Часть I

Глава 1

Валентин Уваров почувствовал, что сошёл с ума. Удар в сознание, а дальше — не понятно, наверное, никому на свете, что с ним произошло. Легче принять смерть, чем это. А ведь он был в жизни своей (Валентину исполнилось недавно тридцать лет) весьма и весьма глубинен, много читал, общался в самых потаённых московских кружках, которые существовали в начале нашего XXI столетия...

Наконец Валентин огляделся. «Оглядеться никогда не мешает», — подумалось где-то за пределами ума. Но куда смотреть — в себя или вокруг? Валентин взглянул вокруг. Милый лесок с невинными птичками, поляна в цветах — всё исчезло, как будто их всех сдунула незримая, но высшая сила...

Оглянувшись, всё-таки Валентин понял, что лучше заглянуть в самого себя. Там уже почти прошло ощущение глобального сдвига, и из океана неопишуемого вполне проглядывала его полузагадочная, но привычная личность. Да, это был он. Личность осталась.

А вдали и вокруг творилось нечто действительно неопишуемое, и не только с точки зрения здравого смысла.

Откуда взялись эти дикие, людоедские, если интуитивно взглядеться, деревья? С их ветвями, обращёнными вверх, словно с мольбой о милосердии?

Над головой — чёрное небо, но почему-то светящееся, словно тьма может излучать свет. Свой свет мрака!

Но была ли ночь?! Вдали на горизонте что-то пылало багровым, по-человечески живым пламенем! Словно люди превратились в огонь.

А земля? По ней и ступать было страшно. Она путалась, шипела под ногами, как змея.

Недобрая это была земля.

«Всё ясно, — решил Уваров. — Я на самом деле сошёл с ума. Всё, что я вижу, — мираж, невиданная самим дьяволом галлюцинация. Что делать?»

Уваров вдруг сам зашипел.

«Если я сошёл с ума, то всё позволено, — попытался успокоить он сам себя. — Иди, Валя, вперёд. Видишь дорожку?! Ну и иди по ней, будь она самой проклятой чёрной галлюцинацией. Иди по ней».

Дорожка и вправду не путалась, виделась, как на балу. Хоть танцуй, хоть беги.

И Уваров побежал. Скорей, скорей, чтоб мираж исчез. «От бега и на душе легче», — подумал он, ни о чём не думая. А внутри что-то стучало: «Это смерть, Валя, но смерть вторая, самая страшная». — «А за что?» — «Да ни за что. Просто так». — «Такое не бывает». — «На белом свете и правда не бывает, а вот у нас, Валя, это как правило», — прозвучало что-то внутри.

Уваров попробовал унять, усмирить душу и всё, что в ней оказалось, словно это была не душа, а вселенский мешок. Но тут кто-то его укусил.

Слава богу, это был человек. Скорее не человек ещё, а дитя, маленькое, юркое и не по росту бесшабашное.

На Уварова смотрели детские глаза, но что-то в них было подозрительное и, мягко говоря, совсем не детское.

— Ты чего кусаешься? — тупо спросил Уваров. Дитя в ответ дико заверещало непонятно что и вдруг вцепилось Уварову прямо в брюки, в член. Уваров инстинктивно защитился и увидел на миг глаза ребёнка, полные ненависти и, кажется, наслаждения, которому нет конца.

В ужасе Валентин отбросил ребёнка и опять побежал. Но куда бежать? На горизонте — пылающий мрак, силуэты причудливых зданий, словно растворяющихся в воздухе. «Мираж» не исчезал, а Уваров всё бежал и бежал.

Наконец остановился — не стало сил. Мальчик оставался далеко позади, но упорно приближался, точно заведённый...

Уваров начал молиться, но с ужасом почувствовал, что слова молитвы падают в пустоту, словно это пространство не принимало молитв.

И внезапно — рёв машины. На дороге оказалось нечто похожее на автомобиль, точнее, бронированный вездеход дикой формы. Из него выскочили четверо низкорослых, но коренастых мужчин, видимо хорошо вооружённых. Чем — Уваров не понял. Они злобно, резко направились

к нему. Подскочил и мальчишка. Один из мужчин ударил его кулаком в голову, и ребёнок отлетел в канаву. Другой — подошёл и изнасиловал его, мужчины же стояли и поджидали насильника. Валентин тоже стоял. Изнасиловавший быстро вернулся, а мальчишка как ни в чём не бывало выглянул из канавы и всё смотрел и смотрел.

Вооружённые люди подошли к Уварову, что-то прошипели на совершенно незнакомом языке, если это вообще был язык.

Они впихнули Уварова, находящегося почти в сомнамбулическом состоянии, в машину и поехали.

...Уваров очнулся, надеясь на конец сновидения. Не тут-то было. Один из вооружённых дал ему по зубам и вывел из машины на свет...

То был город с пугающими своей странностью домами: люди, которых, наверное, можно было бы назвать полицейскими, схватили Уварова за шиворот и ввели в здание. Он опять потерял сознание, память и ум, но вооружённые не обратили на это внимания.

Уваров очнулся, когда был уже на сцене, — оружие, во всяком случае, напоминало сцену. А вокруг — не зрительный зал, а нечто хаотичное. Стулья стояли не рядами, а где попало, и множество крайне низкорослых людей сидели, лежали на полу, стояли, подпрыгивали тоже где попало. Одежда их, однако, была проста. При всём её разнообразии — ничего лишнего.

Рядом с Уваровым стоял человек и что-то говорил, по-видимому, в микрофон на том же

невообразимом языке и указывал на Уварова. Позади говорящего — охранники, почему-то с цепями.

До Уварова наконец дошло, что никакая это не галлюцинация, не чёрный мираж, не выжившее из ума сновидение, материализовавшееся каким-то образом, перед ним — так называемая реальность.

Было о чём задуматься. И кровь текла изо рта лишь чуть-чуть реально, видимо, повредил зуб. Тогда Уваров закричал. Кричал он громко, путая русские, английские и французские слова. Все слушали его, не мешая.

Он кричал о том, что можно не верить в Бога, но надо, по крайней мере, уважать любое живое существо, если у него есть глаза, которые смотрят и видят мир.

После его сумбурной, почти безумной речи воцарилось молчание.

Человек рядом опять заговорил, а двое охранников подошли поближе к Уварову. И внезапно люди точно сорвались с места. Уваров только хотел крикнуть, что он не с Луны свалился, но не успел. Кругом завывали, завизжали, но в основном прыгали назад и вперёд, некоторые приплясывали, другие просто совокуплялись на глазах у окружающих. Но вокруг стоял хохот. Многие указывали пальцами на Уварова и давились от хохота, но как-то неестественно и пугающе. Некоторые подбегали совсем близко к Уварову, и Валентина шатало от их взглядов, бессмысленно-трупных.

Активность толпы вдруг затихла. Даже совокупляющиеся расцепились и пришипенились.

Вошли люди в темно-синей форме, подтянутые, но свирепые от избытка своих полномочий. Они подошли к Уварову и отшвырнули оратора, стоящего рядом с ним. Охранники исчезли. Полномочные вежливо-жестко подхватили Уварова и увели его. Длинными подземными коридорами, тёмными, как ночь, его провели в огромную полупустую комнату. В центре её, в кресле, под чучелом невиданной громадной птицы, напоминающим скелет птеродактиля, сидел худой, благообразный на вид старик. Рядом с ним, на стуле, сидел, как изваяние, другой старик, напоминающий большую гадливую кошку. Он раскрыл рот и жестом дал знать Уварову, чтоб он говорил.

Валентин заявил, что он просит доставить его в российское посольство, и повторил своё высказывание несколько раз, то спокойно, то истерично.

Гадливый старичок, видимо, ничего не понял, он лишь внимательно прислушивался к звукам. Потом что-то шепнул на ухо своему отрешённому, как мумия, начальнику. Тот дал указание пальцем.

Старичок подскочил к Уварову и стал его ощупывать и обнюхивать. Прошёлся по спине, по заднице, дёрнул за член, и лицо его выражало полное изумление.

Валентин посмотрел ему в глаза, гадливый старичок улыбнулся, но в его круглых, как луны, глазах проблеснул патологический ужас. Отскочил и, обернувшись к мумиеобразному начальнику, что-то заверещал. Тот наконец ответил — тихо, но грозно. Стражники схватили Уварова, накиннули на него ошейник и вывели во двор. Там стояла

сигарообразная, серебристого цвета машина, и Уваров, решивший ни о чём не думать, кроме смерти, оказался в ней.

Машина двинулась. Стражники с ничего не выражающими лицами сели рядом. Один из них шумно испустил непристойный звук, никто не пошевелился.

Валентин вглядывался в окружающий мир, надеясь найти в нём что-то знакомое. Ничуть. Этот мир поражал своей агрессивной мертвенностью. Облака, тучи нависали необычно низко, заслоня собой бездонную голубизну неба.

Лес походил на живое существо, поражённое предсмертной агонией. Пробежал зверёк, словно сошедший с ума.

— И непонятно даже, — пробормотал Валентин, — что сейчас, день или ночь. Может быть, здесь день превращён в ночь, а ночь в день.

Он попытался помыслить рационально, прийти в себя. Во-первых, он жив, а следовательно, жива в нём и вера в Бога. Во-вторых, он попал неизвестно куда, но ведь на свете могут происходить вещи, которые не снились не только философам, но и всем людям, вместе взятым, включая так называемых учёных. В-третьих, если его убьют — это не катастрофа, все умирают и продолжают жить иной жизнью, как и сказано во всех Откровениях. Только не надо задавать себе истерических вопросов: Что это за мир? Где он? Что означают эти люди?.. Рано или поздно это выяснится само собой.

Валентин взял себя в руки. Это был весьма приятный светловолосый человек, глаза зелёные,

умные... В конце концов, он недаром вживался в эзотерические, пусть даже скорее полуэзотерические московские круги. Писал стихи, которые встречали глубокий отклик, переводил любопытные книги.

«Самое главное сейчас — не сойти с ума, — подумал Валентин. — Как тот зверёк, что пробежал под землю мимо...»

Но не сойти с ума оказалось трудным делом. Ум настолько расшатался от всего увиденного, что Валентину казалось — ещё немного, и ум полетит в бездну, и что возникнет вместо ума, одному Богу известно. Ум висел над пропастью, из которой нет возврата...

А машина мчалась и мчалась.

Внезапно — стоп, приехали. Уварова вытолкали наружу. Перед ним было нечто вроде крепостной стены, уходящей вдаль, в бесконечность. Но в стене оказались ворота. Они медленно открылись. Валентин ожидал увидеть там нечто чудовищное, вроде спрута, пожирающего самого себя, но за стеной виднелась дорожка, поляна, кустарники, деревья... Охранники ввели Уварова внутрь. У ворот стояла молчаливая стража.

Во время поездки Валентина больше всего угнетало молчание. Молчали не только охранники, молчало всё: природа, деревья, небо, весь мир. Автомобиль и тот ехал бесшумно. Мир вокруг молчал так, как будто его уже не существовало. Зловещее это было молчание...

Охранники повели Валентина по дорожке. Шли недолго — минут пятнадцать, если считать

по-нашему, и наконец Валентин увидел небольшой одноэтажный домик. Словно дача какая-то. Охранники указали ему на домик, а сами неожиданно повернулись и пошли назад. Валентин оцепенел, но ему ничего не оставалось, как идти к домику.

«Пространство всё это, видимо, окружено стеной, — подумал он. — Да и куда идти? Только к домику». Валентин огляделся. Как ни странно, природа здесь оказалась как-то чуть-чуть человечней, немного мягче, что ли. Он побрёл к домику, один, в своём лёгком летнем костюмчике, купленном в Питере... Но опасность сумасшествия не сходила. Окна домика были открыты, и вдруг он услышал такое, от чего холод прошёл по спине. Он почувствовал, что сердце вот-вот разорвётся.

Слышал он пение: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан, не входи, родимая, попусту в изъян...» Пела женщина, на чистом русском языке. Потом открылась дверь, и на пороге появилась девушка в народном русском одеянии. На её голове красовался кокошник.

Если можно сойти с ума дважды, сначала один раз, а потом ещё один, в глубь безумия, — то именно в таком состоянии застыл Валентин. Но второе безумие было уже блаженным.

Глава 2

— **М**ама, мама, ещё один! — закричала девушка в глубину дома. — Он русский, наш, сразу видно!

На её зов вышли пожилые люди, женщина и мужчина, лет пятидесяти, может быть, тоже в народной одежде, похожей на ту, которую носили в XIX веке. Они остолбенело смотрели на Валентина. Но девушка решительно и неожиданно побежала к нему.

— Не бойсь, — тихо сказала она. — Здесь свои. Никто тебя не обидит. Идём в дом.

— Где я? — спросил Валентин.

— В аду, — ответила девушка. — Но здесь наше пристанище, и тут не ад, а русский дом.

Валентин твердил про себя только одно: «Я не сошёл с ума, я не сошёл с ума... Господи, помилуй...»

Девушка улыбнулась и вслух произнесла:

— Господи, помилуй... Идём, будешь нам родным.

«Если принимать зло как факт, то и благо надо принимать так же», — мелькнуло в уме Валентина. Улыбка девушки, её лицо сразу ввели Валентина в очистительный транс. На глазах его появились слёзы, он готов был разрыдаться.

«Только бы это не оказалось сном, пусть то, что было раньше, будет сном, но только не это», — молниеносно подумал он. Губы его дрожали. Тем временем подошли пожилые люди. Мужчина сразу представился:

— Потапов Иван Алексеевич. Родился в одна тысяча восемьсот десятом году в Костроме. А ты, сынок, откуда?

Уваров чуть не упал, но возразить не посмел. «Или я ослышался, или он сумасшедший, — подумал он. — А может, шутит...» В ответ он только развёл руками.

— А я Полина Васильевна, — добродушно сказала женщина. — Родилась в одна тысяча восемьсот двенадцатом, при пожаре Москвы, при Наполеоне, Антихристе... А это дочка наша, Даша. Ей всего семнадцать лет.

«Не возражать, не кричать, не топтать ногами, — решил про себя Валентин. — Ведь они добрые», — и, повинуясь доброте хозяев, пошёл в дом.

— Тебя как зовут? Ты отколь? — спросил Иван Алексеевич, когда они подходили к дому.

— Валентин я, из Москвы.

— Святое место, — тихонько вздохнула Полина Васильевна.

— Маменька, смотри, он сам не свой, пожалей его, — спохватилась девушка. — Легко ли, попасть в ад...

— Обогреть тебя надо, обласкать, Валентин, — согласилась Полина Васильевна.

— Главное, ничего не боясь, — добавил сам Потапов. — Мы православные и при жизни всегда

всё соблюдали, людей и Бога любили, а попали сюда, потому что Господь захотел испытать наше терпение, а не потому что мы какие-то там прихвостни врага человеческого... И ты тоже такой, по лицу видно — душа у тебя добрая...

Так, за беседушкой, они вошли в дом. Прошли в комнату, где всё было просто и как положено. Самодельные иконки в углу, белая скатерть на столе, стулья, шкаф. До крестьянской избы, конечно, недотягивало, но в целом Валентин почувствовал: здесь покой и нормальность.

Расселись за столом.

— Мы люди простые, из бедных дворян. Когда сюда попали — обомлели, плакали целыми днями. Кругом черти, да ещё в человеческом обличье. Визжат, кусаются, творят такое — слов нет. Перед иконами стыдно говорить. Мы думали: за что же души наши погублены, за что? — рассказывал Иван Алексеевич. — Но молитва помогла. Молились мы втроём — и, наконец, Господь сподобил, осветил нас Словом Своим. Во сне разум мой освежился, и сказано было мне, чтоб я, мы все терпели, а души наши спасены будут по воле Божьей. Для Бога и ад не крепость. С тех пор лучше нам стало.

— А как вы сюда попали?

— Как, как... Шли втроём по бережку, потом по леску, грибы собирали. Солнышко светило ласково... И вдруг сила нечеловеческая, вестимо, бросила нас сюда...

Между тем Полина Васильевна уже хлопотала насчёт обеда. Помолились.

Потапов промолвил:

— Но не думайте, страху много будет. Не со-
бьётесь — душа спасётся.

Валентин понемногу приходил в себя, но мысли путались, и он не знал, с чего начать... Вспомнил наконец, что оставлены в далёкой недостижимой России родители, друзья... С женой Валентин, однако, развёлся два года назад, детей от этого короткого брака не было...

Еда, в глазах Валентина, чем-то отдалённо напоминала прежнюю, российскую.

— Вот это мы называем картошкой, — умилялась Полина Васильевна, — вот это — луком... и гляньте на хлебушек. Кушайте на здоровье... Другое здесь не растёт...

Встали, помолились, как в былые, хорошие времена.

— Не думай, а лучше говори с ним, сынок, — тихо сказала Полина Васильевна. — Не огорчайся очень... Раз ты к нам такой пришёл, то испытание адом тебе дадено, как и нам... Но душа твоя спасена будет... я чувствую это... как и наши души... это главное... А там хоть съедят нас, — дело второстепенное... Душе-то что? Она из другого теста создана.

Валентин молча вкушал пищу ада.

— Откуда вы её берёте? — наконец спросил он.

— Немножко вокруг растёт, а потом нам черти привозят... Они же здесь в человеческом виде, — ответил Иван Алексеевич. — В этом их свойство, особость. И как будто по-человечьи говорят, ну а сами... Увидишь, сынок, какие это люди,

сразу поймёшь, кто они. Не дрожи, держись веры, но страх огромный на тебя нагонят...

— Для чего они вас держат?

— Не знаем, — ответил Потапов. — Им виднее... Лучше об этом вам Серёжа расскажет.

— Какой Серёжа?! — удивился Валентин.

— Какой есть. Молодой человек. Хорошего образования. Попал сюда немного позже нас. Хотя и чудной, но стал нам родной, — добавил Иван Алексеевич.

— Его сегодня черти привезут, — пояснила, покраснев, Даша. — Взяли, но должны привезти обратно.

За окном послышались какие-то звуки. Полина Васильевна подбежала, раскрыла окно.

— А вот и он идёт, лёгок на помине.

Вскоре Валентин услышал пение и ясно различил слова:

Пой же, пой на проклятой гитаре,
Ходят пальцы твои в полукруг.
Захлебнулся бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг...

Рядом с ним молча шли черти. Их было два.

Валентина эти слова поэта из прошлого, это пение в аду резануло так, что в глазах его потемнело, он вскочил и пошатнулся, припав к стене.

...А в комнату уже входил он — Серёжа Томилин, исчезнувший с лица земли в 1926 году и попавший в ад. Впрочем, у Серёжи было своё мнение относительно того, куда он попал. Через несколько

минут Валентин и Серёжа Томилин стали неразрывными друзьями.

После обеда Потаповы, как и полагалось в XIX веке, пошли спать, и Серёжа с Валентином остались наедине.

— Ты пойми, Валя, — говорил ему через чашок беседы Сергей. — Не ад это, не ад. Теологически не сходится... Но старики так считают, я их люблю, они мне как родные — но они слишком просто судят... Оно, конечно, похоже, и метафорически, косвенно, что ли, это ад, и мы среди чертей... А что, не черти, что ли, были в 17-м? Среди руководства Чёрный козёл, он может любой облик принять... Ему-то что... Но не ад тогда был, и здесь не ад...

— А что же, что?

— Ты мне сначала скажи, с какого ты года рождения?

— С 1977-го.

— Ого-го! А я в двадцать шестом пропал... Ну и как? Большевичье-то поганое небось прогнали где-нибудь к 30-му году?

— Не прогнали. Но сейчас их нет... Потом всё расскажу, какой расклад получился... А сейчас ты же не ответил мне на главный вопрос: где мы?

Сергей пересел на стул поближе к Валентину.

— Валя, в себя приди! Мы же в физическом теле... В ад можно попасть только после смерти. В какой-то степени это, конечно, ад, но не совсем. Тут дело сложнее...

— А как же старики, такие православные, не понимают этого?

— Да всё они понимают! Я с ними сроднился, они даже мой язык XX века чуть-чуть переняли, но они считают, что оказалось, вопреки богословам, ад может быть и в физическом теле... Просто богословы об этом не знали, мало ли что богословам неизвестно, не всё Бог нам открыл, а только частично...

— А ты как считаешь?.. Выпить бы сейчас, Серёга...

— Алкоголя тут нет... А я полагаю, что мы попали в необъяснимый фантастический мир. Его надо принять, и всё.

— Сергей, ну это не объяснение, а поэзия просто.

— Хорошо. Слушай. К нам приходит один человек. Из их племени. Великий учёный, жрец — не знаю, кем они его считают... Но он прячется от них в подземельях... И посещает нас. Как он обходит охрану — не знаю... Имя его — Вагилид. Он знает древние языки, как он выражается. В том числе русский... Так вот мы попали в отдалённое, точнее, очень далёкое от XX века будущее человечества.

Валентин заходил по комнате. Кровь бросилась в лицо.

— Что, что? Это, именно это — будущее человечества?

— Да.

Глава 3

Валентину и Сергею постелили в одной не-
большой комнате. Среди глухой ночи Сер-
гей проснулся и привстал.

— Ты плачешь, Валентин?

Ответом были слёзы, комок ужаса в горле.

— Тебе жалко человечество? — Сергей гово-
рил почти шёпотом, но слышали бы даже крысы,
такая стояла бездна тишины и мрака, словно вся
земля превратилась в огромное кладбище. — По-
слушай, — продолжался шёпот, — не всё так одно-
значно. У Вагилида есть документы, книги, что-то
осталось от прошлого. Видимо, есть и другое чело-
вечество, не здесь. Произошло нечто грандиозное,
неописуемое...

— Я не по себе плачу, — медленно прогово-
рил Валентин.

— Послушай, как сейчас в России? — с внезап-
ной тревогой спросил Сергей.

— Плохо. И в России, и в мире. А XXI век идёт
и идёт.

— Я так и думал.

— Потом расскажу.

Сергей встал и сел на кровать в ногах у Вален-
тина.

— Сергей, а зачем они тебя вызывали? Что они с тобой сделали? Что они хотят от нас?

Лицо Сергея еле виднелось во тьме, и вся его фигура словно была поражена тьмой этого мира.

— Что сделали? Взяли кровь, и только, но я держусь. Хоть бы скорей убили или съели нас. Освободиться бы от тела и уйти из проклятого мира... Останется душа и тонкое, энергетическое, невидимое физически тело, и вот тогда мы узнаем, куда попадём... Тогда мы узнаем, куда попадём... Тогда будет надежда, и не только...

— Ты думаешь, они хотят нас убить, как-то использовать физическое тело?

— Нет... Они бы давно всё это сделали... Я — интуит, и кажется мне, что они не откармливают нас для своих лабораторий, если они у них есть. Мне видится, что мы нужны для какой-то иной, тайной цели. Даже Вагилид не может понять, для какой... Он — единственный здесь друг нам. Особенно не верю никаким объяснениям. Вагилиду верю, но наполовину.

— А во что верить? — тихо-тихо спросил Валентин, точно их разговор подслушивали тысячи демонов.

— В Бога, конечно, и в реальность фантастического мира. Если вдруг я увижу здесь, в теле, живой сгоревшую при пожаре мою мать — я не удивлюсь. И не надо никаких объяснений.

— Серёжа, спой мне что-нибудь, — попросил вдруг Валентин. — Ты так пел, возвращаясь.

— Валя, ты не ребёнок... Но и я чуть не сошёл с ума, когда попал сюда. Но мне никто не пел.

Но надеюсь, мы рано или поздно услышим райское пение.

— А я хочу русское, а не райское.

— Да если петь здесь наши песни, сердце и всё существование перевернётся вверх дном. Хотя я пробовал.

— И какой результат?

— Я один раз перед местными ни с того ни с сего запел. Убежали, как молнии. Не место здесь песням.

Поговорив ещё немного, Сергей и Валентин, как-то успокоившись, всё-таки заснули.

Проснулись поздно, когда в дверь постучались. На пороге стояла Полина Васильевна.

— Как почивали, дорогие? Мы уже помолились, позавтракали.

Сергей повёл Уварова на задворки, где было что-то похожее на умывальник. Валентина поразила белая курица, выскочившая с кудахтаньем из-за бревна.

«Абсолютно как наша курица. Не отличишь. Значит, они совсем не изменились», — подумал он, сопровождая курицу пристальным взглядом. Сергей всё понял и усмехнулся.

— Такая же, но не совсем. Абсолютно не изменились крылья. Им и конец света нипочём.

Довольно плотно позавтракали.

— Это мы называем сыром, — объяснила Полина Васильевна про невзрачную серую массу.

— Голод не тётка, матушка, — ответил Сергей. — Съешь даже пищу конца мира, была б хоть немного съедобна...

Не успели выйти из-за стола, как раздались отдалённые свирепые звуки.

— Это повелитель к нам едет, — немного умильно сказала Дашенька, дочка.

— Какой ещё повелитель, Сергей? — встрепенулся Уваров и увидел, что старики побелели.

— Ничего страшного, — успокоил Уварова Сергей. — Едет главный начальник этой страны. Вагилид объяснил нам, что его надо называть Правитель, но это сам чёрт не разберёт.

— Неприятно всё-таки, — сморщился Потапов. — Он приезжает к нам иногда осматривать нас. Никакого зла он нам не сделал пока...

Валентин так и ахнул. «Начинается», — подумал он.

На дворе уже стояло огромное чудовище, внешне мало похожее на автомобиль. Стражники роботообразно вывели всех пятерых пришельцев во двор и поставили в один ряд. В середине — Иван Алексеевич Потапов, а с правого боку от него — Потапова и Валентин. Сергея же поставили с левого боку, а потом Дашу. Сзади — крупно вооружённые стражники. Оружие непонятно-неприятного вида и к тому же устрашающее.

Повелителя (так уже называли его Потаповы) вынесли из автомобиля в кресле. Кресло было простенькое, что подчёркивало величие Правителя. Кресло почётно поставили перед нашими новосёлами на вполне гармоничном для общения расстоянии. Четыре стражника, двое сбоку и двое позади, застыли как изваяния у кресла.

Валентин внешне тупо повиновался во всём, подобно остальным, но повиновение в основном выражалось в молчании. Молчали новосёлы, молчали стражники, молчал и Повелитель, худой старик с лицом, похожим на отрешённое чучело. Повелитель тем не менее пристально вглядывался в своих арестованных пришельцев. Взгляд его не отрывался от их лиц, и внезапно Повелитель заплакал. Он плакал беззвучно, минут пять-шесть. Стражники не шелохнулись. Потом дал знак, кресло почтительно внесли в автомобиль, и тут же машина стремительно двинулась и скрылась. Пришельцы так и застыли на месте до тех пор, пока странный звук от автомобиля, похожий на крик птицы, не затих окончательно.

— Что это такое?! — вскрикнул наконец Валентин.

— Всегда так, — ответил Иван Алексеевич. — Он приезжает, смотрит на нас и плачет. Потом уезжает, ни одного слова, ничего больше.

— Никакого знака вообще, — пробормотал Сергей.

— Ну и Господь с ним, — прошептала, замешкавшись, Полина Васильевна. — Уехал, и слава Богу. Одному Творцу только известно, кто он такой. А мы люди простые. Не убили, и ладно.

* * *

...Чтобы скрасить существование, собрались все вместе в маленькой комнатухе, Бог знает на что рассчитанной.

Дашенька села у окошечка, как бывало в России, и окончательно задумалась. Она смирилась, слушаясь родителей, но её ещё детское сердце не признавало ада. Смотрела она вдаль, но и там не было ни России, ни царя-батюшки.

— Расскажите, не боясь правды-матки, Валентин, что случилось с Россией? Сергей говорит, что была революция и царя свергли. Неужто? — спросил тихо Потапов.

— Уж извини, Серёжа, — вмешалась Полина Васильевна, — но никогда этому не поверю. Не могу поверить, и всё. Чтоб свергнуть, свершить насилие над помазанником Божьим, который перед Богом и всем христианским миром отвечает за страну и правит ею? Не поверю. Какими же надо быть злодеями, чтоб нарушить то, что сам Бог установил.

Сергей осторожно шепнул Уварову:

— Только про расстрел не говори, ради Бога... Не добивай предков наших дорогих, жизнь нам давших.

— Что вы там шепчете, Сергей, пользуясь тем, что мы глуховаты малость? — пробурчал Иван Алексеевич.

Валентин был поставлен в тупик. Он мямлил, дёргался и всё ссылался на то, что XX век нашим драгоценным прабабушкам распознать трудно.

— Говорите прямо. Как будто вы перед самим Суворовым стоите, — рассердился наконец Иван Алексеевич.

— Знаете, война была, разруха, и так стало тяжело, что сам царь отказался от престола, — смутясь,